

ДЕЛО МОЗЕВСКОГО

(По архивным данным)

В сентябре 1826 года Николай I вернул А. С. Пушкина из ссылки в Петербург. С этого времени «освобожденный» Пушкин становится «свободным поднадзорным». Он опутывается бдительным надзором царя и его сподвижников—шефа жандармов Бенкендорфа, управляющего III отделением фон-Фока, а позднее — Мордвинова. За А. С. Пушкиным устанавливается тщательная агентурная слежка.

На протяжении одиннадцати лет своей жизни великий поэт находился под тайным надзором, нити которого сходились в руках венценосного жандарма.

Литература о Пушкине располагает большим количеством документальных данных, характеризующих отношение Николая I и III отделения к А. С. Пушкину. Они обобщены в работе М. К. Лемке «Муки великого поэта», который пишет: «Бенкендорф, Фок и Мордвинов— вот кто были приставлены к каждому его слову и шагу»¹. Дополнительный материал приведен Б. Л. Модзалевским в книжке «Пушкин под тайным надзором», СПб, 1922². В этих работах даже не названо дело Мозевского, возникшее в то время, когда Николай I был занят следственным делом декабриста В. Ф. Раевского и делом об отрывке из элегии Пушкина «Андрей Шенье», известном в рукописной литературе под названием «14 декабря». Штабс-капитан Мозевский обвинялся в распространении «возмутительных произведений» декабриста В. Ф. Раевского.

Во время следствия возник вопрос и о распространении вольнолюбивых произведений А. С. Пушкина. Следствием руководил Николай I, вникая во все мелочи дела.

9 ноября 1827 года мичман Николай Дюмутье, «движимый ревностью чувств ко благу отечества и как верноподанный», написал из Симферополя, где находился, донос на штабс-капитана 37-го Егерского полка 3-го батальона

¹ Примечания см. в конце статьи.

Мозевского. В этом доносе на имя Бенкендорфа сообщалось о том, что Мозевский, занимая в городе Тирасполе караулы, «имел случай свести дружбу с арестованным и посаженным на гаубвахту майором Раевским. Не говоря о противозаконных действиях и различных пособиях, делаемых Раевскому, он имел еще от него в память дружбы разрушительные сочинения, — одно из таковых представить честь имею, — которые всеми силами старается рассеять между офицерами и частными людьми, а имея случай говорить о Раевском, с жаром оправдывая поведение его, обвиняет правительство в несправедливом и насильственном к нему притязании. Зная сколь опасны таковые действия на пылкие характеры и зыбкую нравственность молодых людей», Дюмутье и счел «своим священным долгом донести о таковых противозаконных поступках штабс-капитана Мозевского»³.

К доносу были приложены стихи В. Ф. Раевского «Итак я здесь, за стражей я!» (т. е. «Послание друзьям в Кишинев»).

1 декабря 1827 года извет и стихотворение были в руках Бенкендорфа, а 2-го декабря у Николая, который в тот же день дал распоряжение об аресте Мозевского. Так возникло дело «О доносе мичмана Дюмутье на штабс-капитана Мозевского, рассевавшего между офицерами и частными людьми возмутительные сочинения майора Раевского».

Николай I и Бенкендорф имели все основания заинтересоваться этим делом: в нем шла речь о В. Ф. Раевском и Пушкине; следственное дело одного только что закончилось, а второго — было в разгаре.

Владимир Федосеевич Раевский известен как «первый декабрист», арестом которого начался разгром Южного общества декабристов. Раевский был близок к Пестелю. Он близко сошелся с Пушкиным, высланным весной 1820 года из Петербурга на юг России.

6 февраля 1822 года В. Ф. Раевский был арестован за систематическую политическую революционную пропаганду среди солдат и юнкеров и заключен в Тираспольскую крепость. Пушкин, случайно узнав о готовящемся аресте декабриста, предупредил его об этом. Раевский, благодаря этому предупреждению, успел уничтожить компрометирующие бумаги.

На следствии и суде «первый декабрист» вел себя стойко, говорил смело и резко. Он был обвинителем своих судей.

Александр I, пытаясь склонить Раевского на измену, обещал ему свободу и царскую милость, но декабрист отверг это предложение, преданное ему начальником штаба 2-й армии генералом Киселевым. «Вы предлагаете мне шпагу за предательство», — негодованием сказал Раевский Киселеву. Он не назвал ни одного имени и этим спас тайное общество декабристов от разгрома в 1822 году. «Тайна оставалась тайной и только 14 декабря 1825 года она объяснилась на Сенатской площади», — писал декабрист впоследствии. Раевский был приговорен к смертной казни. Во время пребывания в крепости и после вынесения смертного приговора им был написан ряд произведений, которые, благодаря друзьям Раевского и, в частности, Пушкину, а ему были адресованы некоторые из них, стали распространяться в рукописном виде, сделались достояние потайной литературы.

В истории русской общественной мысли и русско литературы потайная рукописная литература имела большое значение. Вольнолюбивые произведения, презревшие печать, заносились в заветные тетради, переходили из рук в руки и создавали поэтам заслуженную славу. О том, какое значение имели эти произведения писал Герцен, вспоминая это время.

«Литература у народа, не имеющего свободы, является единственной трибуной, с высоты которой он мог бы услышать крик своего негодования и собственного сознания. Ее влияние на устроенное таким образом общество приобретает размеры, каких в Западной Европе давно уже не существует. Революционные произведения Рыльева и Пушкина расходятся по рукам молодежи далеко за пределы столицы. Нет ни одной хорошо воспитанной барышни, которая не знала бы их наизусть, нет ни одного офицера, который бы не имел их у себя в походном ранце, или сына священника, который не переписал бы их по крайней мере в двенадцати экземплярах. В последнее время этот пыл поостыл, так как они уже отжили свое, зато все это поколение испытывало на себе живое и молодящее влияние вышеупомянутой поэзии»⁴.

Революционные произведения Рыльева, Пушкина расходятся в рукописном виде по всей стране и оказывают на молодежь «живое и молодящее» влияние. Такое же влияние оказывали и произведения декабриста В. Ф. Раевского. Особой популярностью пользовалось его «Послание к друзьям», написанное в 1822 году, через семь месяцев после заключения в Тираспольскую крепость. Это произведение — один из

ярких памятников русской потаенной литературы. Искренность и сила чувства певца в темнице сочетается с страстным протестом против произвола и самовластья. Поэт верит в силу народа. Он верит также и в силу поэтического слова, в силу слова Пушкина. В «Послании к друзьям» дана законченная эстетическая программа общественного служения поэта. Это произведение, известное III отделению также и под названием «Рылеев в темнице», доставляло много хлопот как Бенкендорфу, так и Николаю I. Только что было закончено дело о распространении «зловредных сочинений» среди студентов Харьковского университета, которые распространяли, в частности, и произведение В. Ф. Раевского «К друзьям», как возникло дело по доносу Дюмутье, присланному из Симферополя. И опять по тому же поводу.

Приговоренный к смертной казни в 1822 году, Раевский продолжал сидеть в крепости и не столько защищался сколько нападал на своих судей. В крепости он вёл деятельную революционную работу. Несмотря на репрессии, произведения «Певца в темнице», написанные в Тираспольской крепости, распространялись по всей России. После 14 декабря Раевского по приказанию Николая I перевезли в Петербург и заключили в Петропавловскую крепость. К этому времени смертная казнь была заменена наказанием, предложенным генералом Сабанеевым, злейшим врагом декабриста—заточением в Соловецкий монастырь.

13 июля 1826 года, в день казни пяти декабристов, в Петропавловскую крепость явился дежурный генерал главного штаба и от имени Николая I предложил В. Ф. Раевскому на выбор: либо принять заточение в монастырь, — либо остаться при своем мнении, т. е. требовать нового рассмотрения дела. В последнем случае если он окажется виновным, то будет сурово наказан. Раевский подтвердил свое требование о пересмотре дела. «Первый декабрист» был направлен в крепость Замостье в царстве Польском. Его дело было передано великому князю Константину Павловичу. Комиссия при крепости Замостье нашла улики против обвиняемого мало убедительными и вынесла приговор: «Освободить майора Раевского из заключения с вознаграждением или без вознаграждения за службу, а ежели за тем остаются какие-либо подозрения, которых из дела не видно, то отправить в свое имение под надзор начальства». Приговор был утвержден Константином, но с ним не согласился Николай I, занимавший

ся в это время делом харьковских студентов, распространяющих «зловредные» сочинения В. Ф. Раевского⁵. Дело было передано на пересмотр Миханлу, который пришел к выводу, что поведение подсудимого, образ мыслей и поступки «столь важны, что он по всем существующим постановлениям подлежал бы лишению жизни». В качестве милости он находил возможным, лишив Раевского «всех знаков отличия, звания дворянина, удалить его, как вредного в обществе человека, в Сибирь на поселение».

15 октября 1827 года Николай I утвердил это заключение. «Спокойно я выслушал мою конфирмацию перед польскою бригадою, — пишет В. Ф. Раевский, — скинул мой военный мундир и как поселенец отправлен в Сибирь под строгим надзором, на почтовых. В Иркутске уже знали и ожидали моего приезда. Я был встречен с любопытством, вниманием и, со стороны начальников, очень вежливо»⁶. Для декабриста начиналась новая жизнь, жизнь поселенца. Казнь пяти декабристов открывает николаевская эпоха, которая удачно названа Герценом «моровой полосой». Это было время, когда, по его же словам, «все передовое и энергическое вычеркнуто из жизни». Так был вычеркнут из жизни и Владимир Раевский. Но «гордое терпенье», «скорбный труд и дум высокое стремленье» «первого декабриста» не пропади даром. Голос «Певца в темнице» продолжал звучать и тревожить сердца людей и в эпоху «моровой полосы». В то время, когда В. Ф. Раевский только что был отправлен из крепости Замостье под строгим надзором в Сибирь и был еще далеко от места своего назначения, а шеф жандармов и Николай полагали, что окончательно сломили эту поистине неукротимую натуру и вычеркнули поэта-декабриста из жизни, поступил донос Дюмутье. Мы отметили выше с какой быстротой реагировали на это Бенкендорф и Николай. Одновременно с распоряжением об аресте было дано указание немедленно приступить к следствию. Первый допрос был произведен вице-адмиралом Грейгом, который 5 января 1828 года сообщал начальнику штаба подробности этого дела. По словам Дюмутье, Раевский и Мозевский были друзьями и последний, с успехом выполняя обещание, данное им заключенному декабристу, распространял его произведения, чем и стремился «приготовить волнение умов к будущему».

Однажды Мозевский, быв дежур-майором, вошел в комнату Дюмутье со словами: «Вот действие несправедливости

правительства». При этом он отдал мичману сочинение Раевского, сказав: «перепишите его, это стоит всякому иметь»⁷. Мозевский отрицал связь с Раевским. Он заявил, что стихи Раевского «Итак я здесь» (т. е. «Послание друзьям в Кишинев». — П. Б.) и два его «Протеста», обнаруженные при аресте у штабс-капитана, были взяты им в 1822 году «во время бытности его в карауле на гаубвахте, где содержался Расвский, без позволения его и с первого переписано ему, Мозевскому, поручиком Милюковым, который подлинник оставил у себя; сочинение сие и помянутые Протесты имел он, Мозевский, для поправления своего недостаточного воспитания».

Грейд приходит к выводу о том, что Раевский и Мозевский «имели между собой какую-то непозволительную связь». После этого дело Мозевского поступило к Бенкендорфу. 2 февраля 1828 года комендант Петропавловской крепости Сукин в докладной на имя шефа жандармов сообщает, что Мозевский, поступивший к нему 2 февраля для содержания в крепости, «принят и направлен в особый арестантский покой в Кронверкской куртине»⁸. Дело пошло убыстренными темпами и задерживалось только болезнью арестованного. При новом допросе Мозевский продолжал стоять на своем, утверждая, что стихи поэта-декабриста он имел «единственно для выговору словесности. . . Сущности же их по слабому уму и воспитанию объяснить не могу». Что касается «Протестов», то они взяты, якобы, без ведома автора, в то время, когда Мозевский был в карауле в 1822 году на гауптвахте, где содержался под арестом «Первый декабрист». «Протесты» были взяты любознательным дежур-майором «для того, что в оных были грамматические правила и протчие ученые и классические замечания, дабы с оного позаимствовать замечаниями полезными и тем поисправить недостаток своего воспитания»⁹.

Выяснилось также, что произведения «Певца в темнице», кроме Дюмутье, переписал себе на квартире Мозевского поручик Антон Милюков, их читал, стоящий на карауле в крепости, подпоручик Айдаров.

Эти факты с очевидностью свидетельствуют о роли поэтических произведений «Первого декабриста», о путях распространения его произведений.

По приказанию Николая сосланному декабристу были посланы 25 мая 1828 года в Иркутск вопросные пункты. Указывая на то, что он не был в дружественных отношениях с

Мозевским, Раевский писал в ответ на эти вопросы: «За давностью времени припомнить не могу какие он от меня бумаги или стихи брал... Черновики мои, бумаги по переписке оных мог от меня иметь, но я хорошо не помню, давал я ему означенные бумаги или нет... Особой приязни ни с кем не имел, будучи слишком озабочен своим тогдашним положением»¹⁰.

В действительности же Раевский проводил в крепости значительную революционную работу, направленную против «самовластительного злодея». Одним из подтверждений этого и является дело Мозевского. Анализ материалов, отобранных у Мозевского, свидетельствует о том, что Раевский занимался с ним по истории, политике, географии, астрономии и литературе. Мозевский был прав, утверждая, что заимствовал полезные правила для исправления недостатка воспитания. Но прав отчасти, не указывая, по естественной причине, того, что его учителем был Раевский, под диктовку которого был переписан один из его «Протестов», а затем были исправлены учителем же грамматические ошибки. Не мог сказать он и о том, что Раевский диктовал своему оригинальному ученику для усвоения правила, что большая буква ставится в начале каждой строчки стихов, выдержки из своего «Послания к друзьям», что он же давал определение политики, объяснение таких слов, как Республика, карбунар, Вашингтон, Франклин, рабство и многое другое. У Мозевского оказалась также и выдержка из стихотворения Гнедича «Перуанец к испанцу», которую Раевский использовал и в ланкастерской школе. Все это говорит о том, что в действительности между заключенным декабристом и Мозевским была «особая приязнь», что он в память дружбы, выполняя обещание, данное «Первому декабристу», готовил «волнение умов к будущему», распространяя его «Протест» и стихи.

Николая I и Бенкендорфа привлекли, однако, не только стихи Раевского, но и стихи Пушкина, обнаруженные у Мозевского. Когда происходило следствие по доносу Дюмутье, Николай уже имел определение суда, а затем и Сената о распространении отрывка из элегии «Андрей Шенье», озаглавленного в рукописи «14 декабря». Правительство Николая было убеждено, что эти стихи посвящены восстанию декабристов. Следствие было начато еще в августе 1826 года. За распространение этих стихов был схвачен прапорщик Молчанов, который дал эти стихи для списывания некоему канди-

дату прав Леопольдову. Молчанова арестовали, допрашивали, ничего сразу не добились, приказом 3 сентября исключили из гвардии и снова продолжали допросы. Требовали, чтобы он подтвердил авторство Пушкина. В конце концов он сказал, что знает, что «стихи действительно написаны Пушкиным»¹¹. Поэт был вызван из Москвы для объяснения по требованию военно-судной комиссии, которой было передано следствие по этому делу. Был также схвачен штабс-капитан Алексеев, передавший стихи Молчанову. Военно-судная комиссия приговорила Алексеева к смертной казни. Приговор этот был смягчен: Алексеева выдержали месяц в крепости и перевели в армию. Леопольдова суд приговорил к лишению его личного дворянства и ссылке в кандалах на каторжные работы.

Пушкин от показаний воздержался до представления ему стихов. После их представления написал объяснение, указав, что это отрывок из его элегии «Андрей Шенье», напечатанной с пропуском этого места в собрании стихотворений, изданном в 1825 году. Это не удовлетворило Аудиториатский департамент, который признал необходимым потребовать у Пушкина объяснений через суд. Николай утвердил это определение. Пушкин в своем показании суду отрицал связь произведения с восстанием декабристов, а на требование дать объяснение почему произведение, непропущенное цензурой, стало ходить по рукам, 24 ноября 1827 года отвечал, — что он и «не думал делать из него тайну». После военно-судной комиссии дело перешло в Сенат, который определил. «Избавя Пушкина от суда и следствия, обязать подпискою, дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику под опасением строгого по законам взыскания». Государственный совет, куда поступило это дело, этим не удовольствовался, а признал еще необходимым, чтобы «по неприличному выражению его в ответах на счет происшествия 14 декабря 1825 года и по духу самого сочинения, в октябре 1825 года напечатанного, поручено было иметь за ним на месте жительства секретный надзор»¹². Это мнение Государственного совета было утверждено царем только 28 июля 1828 года. Такая задержка объясняется тем, что в это время заканчивалось следствие о тайном обществе братьев Критских. Когда на одном из заседаний кружка московских студентов в мае 1827 года зашла речь об учреждении тайного политического

общества, то один из участников, студент Михаил Критский, предложил избрать в председатели общества А. С. Пушкина¹³. Почти одновременно возникло и велось до августа 1827 года дело о студентах Харьковского университета за распространение «зловредных» сочинений, среди которых основное место занимали произведения А. С. Пушкина и В. Ф. Раевского. Весьма ценно показание одного из привлеченных студентов, заявившего, что «вольных сочинений Пушкина или выданных под его именем, у редкого студента не находится»¹⁴. Закончилось следствие по указанным делам, в которых фигурировало имя Пушкина, — пришел донос Дюмутье. В бумагах, отобранных у Мозевского, были обнаружены вольные сочинения Пушкина и «Послание к друзьям в Кишинев» В. Ф. Раевского, которое имело прямое отношение к Пушкину. Это произведение уже было известно III отделению: оно распространялось среди студентов Харьковского университета. Везде у всех на устах было имя Пушкина, оно стало олицетворением непреклонности, политическим знаменем, борющихся против самовластья. С особой силой звучали призывные слова «Певца в темнице» — Владимира Раевского, с которыми он обратился к «Певцу Кавказа» «из мрачных сводов заключения», в своем «Послании к друзьям»:

Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой,
Где слово, мысль, невольный взор
Влекут, как явный заговор,
Как преступление на плаху,
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шопотом роптать.
Пора, друзья, пора воззвать
Из мрака век полночной славы
Царя-народа, дух и нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше вече,
И сокрушало издалече
Царям кичливым рамена¹⁵.

Николай и III отделение не могли не знать, что эти строки адресованы «Певцу Кавказа» — Пушкину.

В отобранных у Мозевского бумагах находились также стихи «К временщику», «Ода на свободу», «Деревня», «Па-

ситесь, добрые народы». На вопрос о том, «от кого достались эти стихи и для чего оные у себя имели?» — Мозевский объявил, что «Деревню» он взял у Дюмутье «взамену стихов Раевского», а что касается «Оды на свободу» и «К временщику», то «сии сочинения я видел у прапорщика Толмачева 3-го, 37 Егерского полка 3 батальона в тетрадках, привезенных им из кадетского корпуса, где он воспитывался. Поименованные сочинения писаны в тетрадку его рукой, которые стихи я велел выписать из означенной тетради и для себя батальонному писарю 37 Егерского полка 3 батальона Даниле Коцину». Эти стихи были переписаны также поручиком Козинным, штабс-капитаном Бавицким. Переписал их для себя и подпоручик 35 Егерского полка Рюмин.

Свое показание Мозевский заканчивает словами: «На какой счет сии стихи то мне неизвестно. Я же сии стихи имел не для чего иного как для выговору отечественной словесности, в которой я по бедному моему воспитанию имел весьма мало сведений». Поручик Рюмин при допросе заявил, что насколько он помнит Мозевский давал писарю переписывать для себя «Оду на вольность», «Ермак» Дмитриева и Баркова. При ответе поручик приложил стихотворение «Ермак», переписанное рукой Мозевского. Что касается писаря, то он показал, что действительно переписывал для Мозевского стихи, но «не заключающие в себе никакой важности, и сколько могу припомнить оные были: «Ермак» сочинение Дмитриева и описание веселой жизни какого-то буйна соседа, неизвестного мне сочинителя»¹⁶. Ни «Деревни» ни «Оды на свободу» писарь не называет. Прапорщик 37 Егерского полка Толмачев был допрошен 2 марта 1828 года. Он должен был объяснить какие стихи были привезены им при выпуске из 1 Кадетского корпуса, какие были даны для переписки штабс-капитану Мозевскому и еще кому из офицеров были даны стихи для переписки. Толмачев был выпущен офицером из 1 Кадетского корпуса в 1823 году. Приехав в полк, он привез с собой разные стихи, выписанные во время пребывания в корпусе из книг тамошней библиотеки. Он брал также стихи и у своих товарищей. «Между этими стихами, — показывает Толмачев, — имел несчастье выписать и стихи сочинения Пушкина, которых, не зная цены по своей неопытности и молодости и после давал без всякой цели с прочими стихами господину штабс-капитану Мозевскому выписывать. Но в 1824 году, узнав оных худую цель

тогда же сжег таковые и теперь у себя никаких подобных не имею. И по давности времени сколько могу упомнить, то смысл оных был: кончина французского короля Людовика XVI. Вообще же оные заключали некоторое рассуждение о правлении. После и прежде дачи оных г-ну штабс-капитану Мозевскому я никому оных не давал»¹⁷.

Стихи Рылеева Толмачев даже не называет. Причина понятна.

Внимание Николая, через руки которого проходил весь этот материал, привлекли стихи «Паситесь, добрые народы». От Мозевского было затребовано объяснение: кем стихи писаны, кем сочинены и для какого предмета? Сии стихи, — отвечал он, — я слышал из уст 37 Егерского полка от подпоручика Малиновского в 1817 году, который умер в 1821 г. Стихи же сии я писал своей рукой, когда еще учился писать, которые помнится мне, что говорил Малиновский, что оные сочинены каким-то Пушкиным»¹⁸. Стихотворение, о котором идет речь, находится в бумагах Мозевского — в папке вещественных доказательств. Привожу его.

Паситесь, добрые народы.
Вас не разбудит чести клич.
На что стадам дары свободы,
Их надобно резать или стричь.
В потомство из рода в род
Ярмо с гремушками иль бич!

Утверждение Мозевского о том, что эти стихи он слышал в 1817 году, явно не соответствует действительности: они приведены А. С. Пушкиным в письме к А. И. Тургеневу 1 декабря 1823 года. Цитируя выдержки из своей оды «На смерть Наполеона» он писал: «Впрочем это мой последний либеральный бред; я закаялся, и написал на днях подражание басни умеренного Демокрита». После этих слов Пушкин приводит текст стихотворения «Свободы сеятель»¹⁹. Письмо к Тургеневу быстро пошло по рукам, а вместе с ним и стихотворение. Впервые оно было напечатано в «Полярной звезде» на 1856 год, в разделе «Неизданные стихотворения А. С. Пушкина». Но задолго до этого оно было широко известно русскому обществу. Так, в одном из первых донесений из Москвы только что назначенного агента Бенкендорфа — полковника жандармского полка И. П. Бибикова — нахо-

дим следующее: «Присоединяю здесь стихи, которые ходят даже в провинции и которые служат доказательством того, что есть еще много людей зложелательных:

Паситесь, русские народы,
Для вас не внятен славы кличъ
Не нужны вам дары свободы, —
Вас надо резать — или стричь²⁰.

Имя Пушкина, как автора этих строк, еще не названо в этом донесении, датированном 8 марта 1826 г. В 1827 году в бумагах Мозевского, как было сказано выше, также обнаружены эти стихи, но в несколько иной редакции. В этом нет ничего удивительного, если мы укажем на то, что в действительности и было две редакции этого произведения. Кроме текста из письма А. Тургенева, эти же строки, но в несколько иной редакции, встречаются в черновой тетради Пушкина 1823 г. Это произведение близко по теме ответному посланию Пушкина на послания декабриста В. Ф. Раевского из Тираспольской крепости.

М. А. Цявловский, установивший, что послание Пушкина «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел», было адресовано «Первому декабристу», утверждает, что Пушкин, в ответ на призывы «Певца в темнице», пишет строфы (начиная с шестой), полные глубокого пессимизма. Заключительная строфа уже намечает тему стихотворения «Свободы сеятель пустынный», которое таким образом по своему происхождению является последним ответом поэта на обращение к нему не смирившегося и в тюрьме поэта-декабриста²¹.

Почти к такому же выводу приходит и Ирина Медведева, впервые опубликовавшая сводные тексты пушкинских произведений, прочитанные ею с С. М. Бонди, для нового академического издания. Тема «разочарования» у Пушкина в его послании к Раевскому «заменяется проблемой отношения к людям и политической борьбе. В наброске послания — тема конфликта поэта и толпы. Толпа — это «избранники молвы», «ничтожный блеск» которых обманул вдохновенного проповедника «правды и свободы», говорившего с ними «языком души». В последних строфах послания — зерно темы «политической басни», «Свободы сеятель пустынный»²². Таким образом, оба исследователя сходятся на том, что «Свободы сеятель» является откликом Пушкина на послания поэта-декабриста. Разрабатывая эту тему в другом черновом

произведении, близком по теме к посланию В. Ф. Раевскому, мы находим интересующие нас строки:

Вы правы, мудрые народы!
К чему спасенья вольный клич?
Стадам не нужен дар свободы,
Их надо резать или стричь,
Наследство их из рода в роды,
Ярмо с гремушками да бич²³.

Стихи эти проникнуты глубокой горечью.

Пушкин глубоко переживал разгром Кишиневского отделения общества декабристов и арест его активного деятеля В. Ф. Раевского. Для него уже в то время была ясна обреченность борьбы декабристов, не опиравшихся на реальные силы в борьбе с самовластьем. Эти события и обусловили направленность «Свободы сеятеля». С другой стороны, в этом произведении нашли также отражение настроения Пушкина, вызванные разгромом освободительного движения на Западе, в частности, в Испании и Италии, которое поэт изучал весьма внимательно и живо откликнулся на события в своих письмах и произведениях («Сказали раз царю», «Вещали книжники, тревожились цари», письмо Гнедичу 4 декабря 1820 г. и т. д.).

«Свободы сеятель» стало достоянием тайной рукописной литературы и здесь приобрело иное общественное звучание. Первая часть его, в которой выражено разочарование «Свободы сеятеля», отброшена (что мы видели в тексте Бибикова и Мозевского). В силу этого заключительная строфа воспринималась как самостоятельное произведение. Произведение «Свободы сеятель» переосмыслялось и приурочивалось к русскому обществу. В нем усиливался сарказм, бичевание пассивности общества. Произведение играло революционизирующую роль. Это подтверждается тем, что Бибиков приводит «Паситесь, русские народы» в своем донесении, говоря о «бунтовщических стихотворениях, которые разносят пламя восстания во все сословия» и в подтверждение существования «людей зложелательных», а Николай и III отделение приобщают это произведение во время следствия над Мозевским к таким произведениям, как «К временщику», «Ода на вольность», «Деревня», «Послание к друзьям».

Пушкину не пришлось давать объяснения по поводу этого отрывка. Удачный ответ Мозевского, сославшегося на

Малиновского, умершего в 1821 году, прекращал следствие по этому вопросу. Тем более, что у Николая не было данных приписать его Пушкину: произведение было не подписано, а ссылка на умершего Малиновского, данная к тому же в уклончивой форме, не давала возможности вовлекать и это дело в следствие о произведении «14 декабря». Дело Мозевского еще раз подтверждает то, что уже известно нам из писем и показаний декабристов: огромное революционное, воспитательное значение пушкинской поэзии. Новым было только, пожалуй, то, что это влияние не ослабевало, а ширилось. Одновременно вырисовывалось и значение поэзии декабриста В. Ф. Раевского, воззвавшего к Пушкину из стен глухой темницы. Они были разлучены. Один уже несколько лет дышал «темничною заразой», был «жертвой зверской власти», а другой был «свободен», но их произведения выполняли одну и ту же роль. Николай и Бенкендорф бессильны были помешать этому.

Дело о Пушкине, так затянувшееся, и о Мозевском было решено почти в одно время.

28 июля 1828 года Николай, наконец, утвердил мнение Государственного совета. От Пушкина была отобрана подписка, что он ничего не будет печатать без одобрения цензуры. Одновременно было дано указание главнокомандующему в Петербурге и Кронштадте графу Толстому об учреждении тайного надзора за поэтом.

Не пройдет и двух месяцев как Пушкин напишет в «Предчувствии»:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливой бедою
Угрожает снова мне...

По требованию Петербургского митрополита началось дело о «Гаврилиаде».

Что касается Мозевского, то его дальнейшая судьба такова. В июне 1828 г. граф Толстой в докладной записке на имя Бенкендорфа предложил отправить штабс-капитана «на службу в Кавказский корпус». Шеф жандармов не мог решить этого вопроса самостоятельно, поскольку делом занимался сам венценосный жандарм. В июле Николай приказал

оставить Мозевского «еще на 3 месяца в крепости... в наказание».

По истечении этого срока Николай собственноручно написал на рапорте: «Отправить в полк, где и служить за прапорщика. 19 октября, 1828 г.»²⁴.

Не был забыт и Владимир Раевский. Николай приказал запросить о нем Иркутского губернатора. В связи с этим была прислана такая справка о ссыльном декабристе: «Поселенец Раевской помещен в Иркутский округ, Идинской волости в селении Олонках, в 80 верстах от города. Ведет жизнь весьма уединенную, избегает всяких связей и знакомств, и кажется слишком поражен своим положением. Зимой занимается, сколько известно, книгами, летом огородом, который он завел и ботаникой. Поведения чрезвычайно скромного и по слухам имел намерение утруждать государя цесаревича исходатайствовать милость государя императора о позволении вступить рядовым в полк действующей армии»²⁵. Читая эти строки, капрал на престоле, повидимому, был доволен. Пройдет только два года и имя декабриста Раевского опять напомнит ему, что поэт не вычеркнут из жизни, что он жив и борется²⁶.

Так расправлялись Николай и Бенкендорф с проявлением живой мысли. Они загнали в «каторжные норы», физически уничтожили цвет русской мысли, литературы. Как пауки они непрерывно плели ту, по удачному выражению П. Е. Щеголева, бесконечную серую пелену вокруг великого русского поэта, которая развевалась во все течение его жизни и не рассеялась даже с его смертью²⁷.

Тяжелая рука Николая легла на русскую литературу. Россия тягостно молчала. Но в жизнь вступало новое поколение общественных деятелей. Сбывались пророческие слова великого русского гения:

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

- ПРИМЕЧАНИЯ. М. К. Лемке, «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», СПб, 1908 г., стр. 465.
2. В этой же работе приведена библиография по данному вопросу. Есть материалы также в «Литературном наследстве», № 16/18 (1934 г.).
 3. ЦАР. III отд., I ЭКСП, № 417. 1827 г., 135 лл.
 4. Герцен, «К развитию революционных идей в России», изд. В. М. Сяб-лина, стр. 87.
 5. М. Цявловский, «Эпигоны декабристов», «Голос минувшего», 1917 г., № 7—8, стр. 76.
 6. «Русская старина», 1902, март, стр. 601.
 7. ЦАР, № 417, л. 12.
 8. Там же, л. 71.
 9. Там же, л. 21.
 10. Там же, л. 110.
 11. М. К. Лемке, «Николаевские жандармы и литература 1825—1855 гг.», СПб, 1908, стр. 479, см. также Н. Л. Бродский, «Пушкин после ссылки», «Лит. учеба», 1937, № 1, стр. 29.
 12. Там же, стр. 479—480.
 13. М. Цявловский «Эпигоны декабристов». «Голос минувшего», 1917, № 7—8, стр. 101, см. также М. Лемке, «Тайное общество братьев Критских», «Былое», 1906, июнь.
 14. Там же, стр. 100.
 15. Там же, стр. 89, см. также П. Бейсов, «Поэт-декабрист В. Ф. Раевский (к 75-летию со дня смерти)», «Литературный Ульяновск», кн. 1-я, 1947, стр. 131. Здесь опубликован вариант «Послания друзьям в Кишинев».
 16. ЦАР, № 417, л. 101. Речь идет об «Опасном соседе» В. Пушкина, получившем широкую известность в рукописных списках. Поэма написана примерно в марте 1811 года, в период наиболее острой полемики со «старовером» Шишковым и «Беседой любителей Российской словесности», открытой 11 марта 1811 года. В поэме полемические выпады против шишковистов переплетаются с изображением быта Москвы первого десятилетия XIX века.
 17. Там же, л. 93.
 18. Там же, л. 16. Этот материал приведен в заметке — П. Бейсов, «Новое о распространении стихотворения Пушкина «Свободы сеятель», «Сибирские огни», 1938, № 5—6, стр. 144—145.
 19. «Русский архив», 1866, стр. 655—656.
 20. Б. Л. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», СПб, 1922, стр. 10. Надо полагать, что Бибиков не выписывал стихи из стихотворения Пушкина, как это утверждает автор данного исследования, а они были взяты в том виде, в каком бытовали в рукописной литературе.
 21. М. А. Цявловский, «Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому», «Пушкин. Временник», № 6, стр. 50.
 22. И. Медведева, «Элегия 1820-х г. г. и «Демон», «Пушкин. Временник», № 6, стр. 56.
 23. Ирина Медведева, «Два стихотворения Пушкина», «Лит. газета», 1937, № 8 (715).
 24. ЦАР, № 417, л. 116.
 25. Там же, л. 126.
 26. См. П. Бейсов, «Тайное общество братьев Раевских», «Литературный альманах», кн. 2-я, Курское обл. издательство, 1940, стр. 270.
 27. П. Е. Щеголев, «Пушкин», СПб, 1912, стр. 227.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ПУШКИНСКИЙ
ЮБИЛЕЙНЫЙ
СБОРНИК

гөр УЛЬЯНОВСК
1949 г.